

An artistic illustration of a prehistoric scene. In the foreground, a large, spotted saber-toothed cat is roaring with its mouth wide open, showing sharp fangs. To its left, a crouching early hominid holds a long spear. In the background, another hominid stands with arms raised, holding a long branch or stick. The setting is a grassy, hilly landscape under a warm, hazy sky.

Путешествие Джорджа во времени (Встреча с первыми людьми)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

С. Язев - Кондулуков

18+

Сергей Язев – Кондулуков

**Путешествие Джорджа
во времени. Встреча
с первыми людьми**

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Язев – Кондулуков С. В.

Путешествие Джорджа во времени. Встреча с первыми людьми /
С. В. Язев – Кондулуков — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Сын миллионера Джордж Тим едет в тихий провинциальный городок. И там неожиданно для себя влюбляется в бедную певичку Мари. Причём влюбляется накануне своей свадьбы и, презрев все условности буржуазного мира, решает жениться на ней. Взбешённый его поступком отец выгоняет его из дома и лишает наследства. Неожиданно Мари очень сильно заболевает, её жизнь висит на волоске. Джордж мечется в поисках денег, но тщетно. И вот однажды в его опустевшей квартире раздаётся звонок. Так Джордж знакомится с мультимиллионером Чарльзом Смитом и сумасшедшим изобретателем машины времени Томом Хьюзом. Они предлагают ему совершить путешествие во времени к первым людям, чтобы привести оттуда детёныша первого человека. Много волнений доставит небольшому провинциальному городку, в котором и разворачиваются события, нашествие динозавров-призраков. Много испытаний придётся пережить Джорджу и Мари, прежде чем они соединятся вновь, но великая любовь побеждает всё. Содержит нецензурную брань.

© Язев – Кондулуков С. В., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Прелестной, очаровательной мисс Х посвящаю.

Глава 1

Неожиданное знакомство

"Милый Джордж помнишь ли ты свою старую добрую тётю Мэгги. Правда, когда мы у ней были, она была совсем молодая, а ты таким маленьким, что когда она с дядей Лукасом подарила тебе плюшевого мишку, ты сначала сильно испугался, а затем он тебе так понравился и ты так заигрался с ним, что даже забыл поблагодарить свою тётю».

Джордж лениво отхлебнул холодное пенистое пиво и продолжал читать дальше.

"Тётя Мэгги совсем тебя не забыла и зовет к себе на каникулы в гости. Конечно, небольшой провинциальный городок это не пляжи Майами Бич или Гавайи, и развлечений там будет поменьше, но мы, с папой считаем, что перед началом твоей работы в компании отца, тебе следует немного отдохнуть. А тётя Мэгги так вкусно готовит твои любимые яблочные пироги, что, я думаю, тебе понравится. Поезжай Джордж не пожалеешь. Впрочем, если ты захочешь отдохнуть во Флориде или на другом курорте, то мы сразу вышлем тебе чек. Ещё раз поздравляю с успешной защитой диплома. Твоя Мама".

Джордж ещё раз перечитал письмо, неторопливо допил пиво, с наслаждением потянулся и задумался.

«А что, не махнуть ли действительно на недельку, другую в тётушкину глухомань. Окунуться в этот милый провинциальный быт, не спеша, попить у тётушки в саду чай с вишнёвым вареньем, скинуть с себя весь этот надоевший груз тревог и забот, зачастую мелких и ненужных, ощутить, наконец, себя человеком, а не винтиком большого города, а заодно, если будет время, поработать над проектом своего электродвигателя.

Джордж с гордостью взглянул на беспорядочно разбросанные по всему столу листы ватмана. Вот оно его детище, электродвигатель с принципиально новой конструкцией, которую одобрил сам профессор Карриган.

"У вас большое будущее, мой мальчик, – сказал он после блестящей защиты диплома Джорджу, одобрительно похлопав его по плечу, – Ваш электродвигатель таит в себе большие возможности, правда, это пока лишь проект, пока лишь идея, которая ещё требует напряжённой работы, но вы не пугайтесь, обращайтесь ко мне, и я вам обязательно помогу.

В жаркой летней тишине басовито гудела муха. "Собственно говоря, в городе его никто и не держит, диплом со всеми документами ему могут выслать и по почте. Свадьба с Люсьен у него ровно через месяц, к тому же у ней сейчас практика в какой-то солидной юридической конторе, так что вместе отдохнуть всё равно не придётся. Решено: предупрежу Люсьен и еду к тётке. Он порывисто вскочил с постели и набрал знакомый номер.

– К сожалению, меня сейчас нет дома, – ответил ему мелодичным голосом Люсьен автоответчик, – если Вы хотите оставить сообщение, то говорите после длинного гудка".

– Люсьен, дорогая, – заговорил своим сочным баритоном Джордж, – меня приглашает к себе тетя на яблочный пирог с чаем, а это, если хочешь знать, моё любимое кушанье, так что

завтра я первым поездом еду к ней. Пробуду недельку, две. Не скучай, дорогая, и не волнуйся, привезу тебе оттуда настоящее клубничное варенье. Целую, Джордж".

Спустившись в фойе общежития, он отправил лаконичную телеграмму. "Согласен, еду к тёте. Денег пока не надо. Джордж". Солнце ещё только всходило, а первый утренний поезд уже уносил Джорджа из громадного душного Нью-Йорка на север.

– А ты несколько не изменился, – звонким голосом сказала ему тётя, – вот разве, что немного подрос, да усы отрастил, теперь мне, чтобы поцеловать тебя, придётся встать на цыпочки.

С этими словами она привстала и поцеловала Джорджа сначала в лоб, а затем в щеки.

– Какие у ней ясные молодые глаза! – поразился Джордж, – а ведь мама писала в письме, что ей недавно исполнилось семьдесят лет, или провинциальный воздух так благотворно на неё влияет?»

– А где дядя Лукас? Наверное, копается сейчас в саду?

– Ты угадал, – ответила она, – специально к твоему приезду он рвёт самые крупные, самые спелые вишни.

– А вот и я, – сказал, входя в дом, невысокий плотный старик с густыми пшеничными усами. О! Какой ты стал большой, мой мальчик. А ведь приезжал к нам совсем крохотулей. Помнишь большого плюшевого мишку, которого мы тебе подарили тогда?

– Как же, помню, – ответил Джордж, – и даже прошу прощение за своё тогдашнее поведение, – добавил он с хитроватой улыбкой.

– Ну, а теперь давайте есть вишню, – сказала тетя Мэгги.

Джордж, не спеша, ел вишню, отвечал на вопросы кузена и кузины и наслаждался тишиной, покоем и по-домашнему милым уютом.

– Ты, наверное, устал с дороги и хочешь немного отдохнуть? – участливо спросил дядя Лукас, – твоя комната на втором этаже. Конечно, у нас таких апартаментов, как у твоих родителей нет, но свежий воздух и пение птиц тебе гарантировано.

Улёгшись на кровать, Джордж хотел почитать свежие газеты, которые захватил с собой.

Но солнце светило так ярко, а птицы в саду щебетали так весело и беззаботно, что глаза Джорджа закрылись сами собой, газета выпала из его рук, и он заснул молодым здоровым сном.

Проснулся он, когда светило уже завершало свой неторопливый размеренный ход.

– Это сколько же я спал? – По привычке с тревогой подумал он, но, вспомнив, что всё уже позади, что защита диплома прошла успешно, что его проект электродвигателя одобрил сам профессор Карриган, он беззаботно улыбнулся, –

Отдыхай, Джордж, и наслаждайся жизнью! – сам себе сказал он, и стал неторопливо одеваться, чувствуя, буквально кожей, как его обволакивает этот размеренный провинциальный быт.

Солнце уже, почти садилось, и его последние золотистые лучи ещё освещали Землю, когда он, вдоволь наговорившись со стариками, вышел из дома.

Дул тёплый, приятный ветерок, Джордж шел по вечерней улице, с наслаждением вдыхая воздух, напоенный густым запахом трав и ароматом поспевающих яблок, из окон домов слышалась негромкая приятная музыка.

– А что, не зайти ли мне в ближайший кабачок и пропустить пару кружек пива перед сном, – подумал он.

И через несколько минут, расспросив местного жителя, направился в небольшой местный ресторанчик ленивой, расслабленной походкой человека, который хорошо поработал и знает себе цену.

Усевшись за старый, но аккуратно протёртый деревянный столик, и с наслаждением потягивая холодное пенистое пиво, Джордж, не спеша, стал рассматривать его посетителей.

В основном это были местные рабочие. В своих узловатых загорелых руках они крепко держали кружки с пивом.

– Наверное, так же они держат в руках лопату или кирку, прочно и надёжно, – с неожиданной теплотой подумал Джордж.

Мужчины, отдыхая после тяжёлой работы, вели негромкую беседу и явно чего-то ожидали.

За соседним столиком сидел пожилой джентльмен и читал газету.

– Ничего особенного, – подумал Джордж, – так что можно допивать свою дежурную порцию и спокойно отправляться домой, тем более, что через месяц у него свадьба с Люсьен, а у него даже ещё не сшит свадебный фрак.

– Несравненная Марго, – прервал его размышления громкий голос директора ресторанчика, и на сцену вышла угловатая девушка – подросток в скромно пошитом платье.

Наверное, какая-нибудь третьеразрядная певичка с голосом испорченного граммофона, – решил про себя Джордж, – что ж время ещё есть, можно послушать и её.

Девушка между тем улыбнулась в зал и запела.

Её необычайно сильный, чарующий голос буквально смял, раздавил, потряс Джорджа.

От изумления он даже на мгновение потерял дар речи.

Браво! Бис! Ещё! Кричала восторженная публика.

Браво, бис, позабыв обо всём на свете, кричал вместе со всеми ошеломлённый Джордж.

И девушка пела и пела, и её голос, то нежный, как дыхание весеннего ветерка, то рококо-чущий, как океан во время бури, то вкрадчивый, как осторожные шаги в ночи, задевал самые сокровенные, самые потаённые струны души Джорджа уносил его далеко, далеко из этого маленького провинциального кабачка, из этого маленького провинциального городка, звал и манил за собою.

Весь зал в это время был в её власти.

– А ведь она поёт без микрофона! – Удивлённо отметил Джордж.

Улучив момент, он собрал всю имеющуюся у него наличность и купил большой букет роз.

– Мадам, – смущаясь и краснея, – написал он, – с Вами хочет познакомиться поклонник Вашего таланта.

Вложив записку в букет, и вручив его официанту, он с нетерпением стал ожидать ответа.

Ответ пришёл через несколько минут.

– Через полчаса у меня кончается программа, и если вы не возражаете, мы можем немного погулять. Марго.

Сонное спокойствие Джорджа как рукой сняло.

Почему-то у него внезапно вспотели руки.

– Что я ей скажу, о чём мы будем с ней говорить? – Лихорадочно вертелось у него в мозгу?

– Вам не надоело меня ждать? – Прозвенел чистый мелодичный голос. – Я и есть та самая Марго, с которой Вы хотели познакомиться.

Невысокая, стройная девушка стояла перед столиком Джорджа.

– Джордж, смущаясь и краснея, произнёс Джордж.

От волнения у него вылетели из головы все слова, которые обычно говорят все парни при знакомстве с девушками.

Затянувшуюся неловкую паузу разрядила Марго.

– Я живу недалеко отсюда, улыбаясь, сказала она, – совсем рядом, и если Вы куда не спешите, мы можем погулять и посмотреть на звёзды.

– А ведь её улыбка похожа на улыбку Джоконды, – отметил изумлённый Джордж, – так же проста и так же загадочна.

Желая взять нить разговора в свои руки, он торжественно произнёс:

– У Вас прекрасный голос мадам. С таким голосом только выступать в Ла Скала.

– Я знаю, – просто и серьёзно ответила она.

За неспешным разговором выяснилось, что Марго – сценический псевдоним Мари.

– Так зовёт меня директор ресторана», – сказала она – единственная дочь в семье и страстно желает петь.

Она даже пела в церковном хоре, и именно местный священник и посоветовал ей продолжить дальше музыкальное образование.

Но её небогатые родители не могут оплатить учёбу в консерватории, и она вынуждена каждый вечер за 100 долларов в неделю выступать в этом ресторанчике, а в субботу и воскресенье ещё и днём, зарабатывая, таким образом, себе на жизнь и как-то поддерживая своих престарелых родителей.

Волна бесконечной нежности вдруг охватила Джорджа.

– Мы с ней знакомы каких-то 15 минут, и уже нет человека ближе и роднее неё, – с ужасом и восторгом подумал он. – Эх! Напал бы кто на нас, – неожиданно подумал Джордж, – а уж я бы защитил Мари, недаром я чемпион университета по боксу.

Но как назло, никто на них не хотел нападать, и даже кошки, обычно устраивающие по ночам свои концерты, на этот раз вели себя необычайно тихо.

Мягко светила луна.

Так и подошли они, мирно беседуя о всяких пустяках, к маленькому скромному домику, утопавшему в зелени деревьев.

– Ну, вот мы и пришли, – с улыбкой сказала Мари,

– Смотрите! – Вдруг быстро и неожиданно сказала она, – смотрите, Джордж, звезда летит. Загадайте желание Джордж.

– Пусть меня полюбит Мари, – вдруг неожиданно подумал Джордж.

Словно угадав его желание, Мари долго и пристально посмотрела на Джорджа.

– До свидания, Джордж, – тихо и задумчиво сказала она.

– До свидания, Мари, – ответил Джордж.

Домой он не шёл, а летел.

Встреча с Мари буквально перевернула его.

Нет, он совсем не был новичком в знакомстве с девушками.

Он с удовольствием посещал дискотеки, вечеринки, словом, все те мероприятия, где парни и знакомятся обычно с девушками.

Но общаясь с ними, Джордж не испытывал и не капельки смущения или робости, наоборот, чувствуя своё мужское превосходство, он позволял себе лениво растягивать слова, как бы ненароком при разговоре принимать красивые, эффектные позы, показывая свой мускулистый торс, или напрягать свой тренированный бицепс, замечая при этом краем глаза, какой это производит эффект.

Не такой было Мари.

Эта странная, непонятная, непостижимая смесь взрослой женщины и девочки одновременно влекла и отталкивала его.

Этот неожиданный переход в разговоре от тихой глубокой грусти к взрыву безудержного веселья сначала его даже испугал.

Этот живой, неподдельный интерес к жизни, буквально ко всему, что происходит вокруг, отражавшийся в её прекрасных живых глазах, в каждом её движении, буквально магнитом притягивал его к ней.

– Так улыбаться может только Джоконда, – растерянный и счастливый повторил он про себя.

Придя, домой он быстро разделся и лёг в кровать.

Высоко в ночном небе светила луна. Ночной ветерок тихо шелестел листвой в саду.

Но сон не шёл.

Совершенно неожиданно для себя он вскочил с постели и подошёл к окну:

– Вот сейчас бы увидели его однокурсники: чемпиона университета по боксу, выпускника Нью-йоркского университета, будущего ведущего инженера, чтобы они сказали», – с улыбкой подумал он.

– Неужели я влюблён? – С радостью и тревогой вопрошал он себя, – неужели какая-то девчонка, какая-то пигалица, его милая Мари, смогла всего за какой-то час так перевернуть его жизнь»?!

– А как же Люси? – Вдруг вспомнил он, – ведь у нас через месяц с ней свадьба?

– А как же Мари? – Как я буду жить без её прекрасных чудных глаз, как я смогу, хотя бы минуту не слышать её глубокого сильного голоса, – подумал он.

Эмоции вновь овладели Джорджем.

Он стоял и стоял и смотрел на звёздное небо.

В небе промелькнула светящаяся яркая точка.

– Загадайте желание, Джордж, – вдруг вспомнил он прекрасный, глубокий голос Мари.

– Я хочу, чтобы ты полюбила меня Мари, – тихо и проникновенно сказал Джордж.

– А я бы приносил ей каждое утро кофе в постель, – вдруг неожиданно подумал он и радостно рассмеялся.

Наступило утро.

Свежий летний ветерок взъерошил волосы Джорджа, а первый самый золотистый, самый озорной лучик солнца сначала взобрался ему на глаза, а затем удобно устроился у него на носу.

– Полежу ещё немного, – сквозь дрему решил Джордж, но настырный лучик жёг ему нос и никак не хотел уходить.

Апчхи!!! – Гулко раздалось в комнате.

– Будь здоров, Джордж! – Сам себе сказал он и упруго вскочил с постели.

Спустившись в столовую, он застал там и тётю.

Она, несмотря на раннее утро, уже хлопотала над завтраком.

– Доброе утро, тётя, – сказал Джордж и не в силах сдержать своих эмоций, обнял и закружил её.

– Осторожно, медведь ты этакий, – шутливо отбивалась тётя. – Что с тобой?

У тебя глаза так и сияют, можно подумать, что к тебе ночью приходила прекрасная фея и исполнила твоё самое-самое заветное желание.

Знаю, знаю, – помолчав, добавила она с шутливой улыбкой, – через месяц у тебя с Люсьен свадьба, вот ты и бузишь как косач весной на току.

– Не буду ей пока ничего говорить, – решил про себя Джордж.

Позавтракав, он написал тёте записку и отправился на почту.

– Срочно выезжаю, ждите, – прочла телеграфистка. – И это всё? С вас 25 центов.

Билет удалось взять только на рейс, уходивший после обеда.

Колеса поезда ещё уносили Джорджа навстречу своей судьбе, а встревоженные и недоумевающие родители уже ждали его.

– Что с ним случилось? – Терялась в догадках мать.

Приехал Джордж, домой поздно вечером.

Шёл холодный, совсем не по-летнему дождь.

Дул порывистый резкий ветер.

Подняв воротник своего плаща, и подставив дождю и ветру разгорячённое лицо, стараясь не попадать в лужи, противно хлюпающие у него под ногами, он неторопливо шёл по ночному городу.

– Конечно, разговор с родителями будет совсем непростой. Особенно с отцом, мать наверняка меня поймёт, а вот отец? –

Мысли мешались и путались у него в голове,

– Да, он будет очень сильно недоволен моим решением, наверное, отнимет у меня великолепный ярко-красный ягуар, что он подарил мне в честь успешной защиты диплома...

И вдруг всё стало на свои места.

Чего он собственно лишается, решившись на брак с Мари?

Великолепной машины и ещё нескольких дорогих, но, в общем-то, ненужных безделушек, присущих кругу его людей, людей богатых и состоятельных.

– Конечно, было бы неплохо ездить на работу на красном ягуаре, – с сожалением подумал он, – но без Мари, без её чудного голоса, без её милых глаз ему не прожить и дня, – а на ягуар, я и сам себе как-нибудь заработаю, – с самоуверенностью, свойственной молодости, решил Джордж, – в конце, концов мой дипломный проект электродвигателя одобрил сам профессор Карриган и на работе, так было уже договорено с отцом, он будет заниматься его доводкой. Так что буду работать», – спокойно и уверенно решил Джордж.

Дождь по-прежнему лил как из ведра.

– Э, да я совсем промок. Так не годиться. – Джордж поднял руку.
И через несколько минут ярко- красный огонек такси уже уносил его домой.

Буквально, не взбежав, а, взлетев, по лестнице, он нетерпеливо нажал кнопку звонка.
Открыла мать:

– Он чем-то очень сильно взволнован!

Что с тобой мой мальчик? – С тревогой подумала она.

– Отец уже давно спит, завтра у него трудные дела на фирме, а ты ужинай и ложись спать, утром всё и обсудим.

– Джордж, а Джордж, пора вставать, – услышал он голос матери, вставай, засоня ты этакий. Отец уже давно занимается делами фирмы, а ты всё спишь.

– Мама мне надо с тобой поговорить, – сказал Джордж.

– Вот сначала почисти зубы, затем съешь свой омлет на завтрак, тогда и будем говорить, – с улыбкой ответила она.

– Серьёзно мама, – сказал он.

– А почему это у тебя так подозрительно блестят глаза Джордж?!

– Мама я влюблён.

– Я знаю, Джордж, и через месяц у тебя свадьба.

– Да не в Люси, мама.

– А в кого же? – От неожиданности мать даже вздрогнула.

– Её зовут Мари, мама. Она поёт в небольшом ресторане.

– Вот как? И давно же ты с ней знаком?

– Ровно один день.

– Надеюсь, у тебя с ней ничего не было.

– Нет, мама. Мари такая, такая, – от волнения голос Джорджа немного осип.

– Сынок, – с нежной теплотой в голосе сказала мать, – ты молод. А молодости свойственно всё идеализировать. И какая-то певичка из третьеразрядного ресторана может показаться тебе феей. Поверь, сынок, пройдут года, и ты научишься смотреть на жизнь более трезво. Пока же давай поскорей мой руки, а то омлет уже давно остыл.

– Мама, я её люблю! – Четко и ясно произнёс Джордж, – и хочу жениться на ней.

– А она тебя? – спросила она.

– Да! – почему-то быстро и внезапно ответил Джордж.

«Упрям как его отец, – со вздохом подумала мать, – надо хоть съездить посмотреть на эту певичку».

– Ну что ж, – весело сказала она, – я уже давно собиралась навестить свою сестру, но всё как-то не было случая, а вот сегодня вечером и поедem, а заодно и твою принцессу посмотрим. Отец с нами не поедет, у него важные дела на фирме, а сейчас давай быстрее завтракать.

Два оставшихся до встречи с Мари дня прошли для Джорджа в каком-то тумане.

Он механически делал все дела, отвечал на вопросы, а перед глазами стоял прелестный облик Мари.

Перед походом в ресторан он тщательно выбрился и сменил потрёпанные джинсы с цветной рубашкой на свой лучший костюм.

– Да ты у меня настоящий денди! – С восхищением сказала мать, – но почему денди такой бледный?

– Или это у него серьёзно, – с тревогой подумала она.

Была суббота.

Придя в ресторан, Джордж с матерью уселись у самого первого столика.

– Чего изволите? – Подлтевший официант почтительно раскрыл перед ними меню.

Не глядя ни на меню, ни на официанта, а, весь напрягшись в ожидании Мари, Джордж наугад ткнул пальцем в несколько строк, но, ни к одному блюду, Джордж так и не притронулся, от волнения он не мог ни есть, ни пить.

– И чем она его только приворожила?», – с тревогой думала мать, смотря на Джорджа.

– Несравненная Марго! – Объявил громким голосом директор ресторана.

И глаза Джорджа засияли:

– Смотри, мама, – шепотом сказал он, – смотри – это Мари.

На сцену вышла Мари.

На этот раз она была не в простеньком подростковом платье, а в изящном платье с оборочками, которое удивительно шло к её стройной фигуре.

Румянец покрывал её щёки.

Но это был не здоровый крестьянский румянец, вызванный естественной пищей и пребыванием на свежем воздухе, а лихорадочный румянец волнения. Проще говоря, щеки её пылали.

– Э, да она тоже не равнодушна к моему мальчику, – с тревогой отметила мать Джорджа, – Боже правый, что скажет его отец.

Между тем, Мари взглядом окинула зал, глаза её явно кого-то искали.

Её глаза и Джорджа на мгновение встретились, и в глубине их Джордж заметил теплые искорки, казалось, они говорили, они кричали: «Любимый мой, я твоя».

Но это продолжалось лишь какое-то мгновение, такое мимолетное, такое короткое, что пожилой джентльмен, пьющий кофе за соседним столиком абсолютно ничего не заметил и благодушно зааплодировал Мари в предвкушении хорошего концерта.

Не заметила ничего и мать Джорджа, хотя и внимательно следила за ним.

Но словно электрическая искра пробежала между влюблёнными, и с этого момента Мари пела только для Джорджа, а Джордж смотрел только на Мари.

Пела она на этот раз удивительно хорошо.

Начав с простенькой неаполитанской песенки и пропев её своим звонким голосом, Мари затем перешла к оперным ариям.

Её красивый сильный голос буквально заморозил всех слушателей.

А под конец она пропела такую сложную партию из Чио-Чио-Сан своим неповторимым голосом, что даже мать Джорджа, тщательно скрывавшая свои эмоции, удивлённо приподняла брови: «У девочки, несомненно, большие вокальные данные», – подумала она.

Что касается Джорджа, то он и не скрывал своего восхищения Мари, взглядом полным любви, он ловил каждое её движение, каждый её звук, а она покрасневшая и прелестная, польщённая вниманием всего зала, а особенно своего милого Джорджа, всё пела и пела.

Закончив петь, Мари, опять кинув быстрый, благодарный взгляд на Джорджа, торопливо убежала со сцены.

С заранее приготовленным букетом цветов Джордж постучался в её уборную.

Ответа не было.

Он постучался ещё и ещё, на его громкий стук вышел директор ресторана.

«Мисс Хаггис, к сожалению, очень сильно устала, поэтому она после концерта сразу пошла к себе домой», – сказал он.

Торопливо сбежав по лестнице, Джордж отправился к Мари домой.

Изрядно поплутав, он всё же нашёл маленький домик, утопающий в зелени деревьев.

На его настойчивый стук вышла седая старушка в буклях.

– Позовите, пожалуйста, Мари! – сказал Джордж, прерывающимся голосом, то ли от волнения, то ли от быстрой ходьбы.

– Мари сейчас нездоровится, – ответило старушка, строго глядя на Джорджа.

– Тогда передайте ей, пожалуйста, вот это, – сказал Джордж, вынимая из-за спины огромный букет роз, – и вот это.

Джордж, достав ручку, торопливо набросал на листке бумаги: «Мари, я очень тебя люблю, выздоравливай, я завтра приду в ресторан, Джордж».

Ничего не сказав, старушка взяла букет и записку и захлопнула калитку.

Если бы Джордж был немного понаблюдательней, то он бы заметил, как немного погодя, раскрылось окно второго этажа, и прелестная молодая девушка послала вслед ему воздушный поцелуй.

Но таково, наверное, свойство всех влюблённых, что они настолько рассеяны, вернее, поглощены предметом своей любви, что всё остальное, что не относится к ней или к нему, просто ускользает из их внимания.

К тёте Джордж не торопился, зная, что опять предстоит неприятный разговор с матерью, к тому же его переполняли впечатления после концерта.

Ярко светило солнце, по небу плыли лёгкие белые облака. На душе Джорджа было легко и спокойно.

– Дождусь до вечера, маман, наверняка, уедет», – решил он.

Так и бродил он по маленькому уютному городку, пока последние лучи солнца не покинули его, широко улыбаясь своей открытой белозубой улыбкой каждому прохожему.

Вопреки ожиданиям Джорджа мать не уехала.

Она, правда, уже собралась в дорогу и стояла с вещами в походном костюме.

– Сынок, – сказала она, – я сейчас уезжаю, поэтому времени у нас осталось мало. Конечно, Мари неплохо поёт, у ней богатые вокальные данные и, может быть, со временем она станет неплохой певицей, но ты же помолвлен с Люси.

– Мама! Я её люблю! – Чётко и ясно сказал Джордж.

Мать испытующе и тревожно взглянула на него.

Коротко вздохнув, она сказала: "Готовься к разговору с отцом".

До вокзала они не проронили ни слова.

Но если мать, тяжело вздыхая, напряжённо обдумывала всё случившиеся, то Джордж, безмятежно улыбаясь, наслаждался игрой облаков на ясном звёздном небе.

Проводив мать, Джордж вернулся к тёте.

Она уже ждала его и хотела с ним поговорить.

Но взглянув на него строго и осуждающе, она поняла, что говорить, в общем-то, не о чем.

Лицо Джорджа сияло такой искренней, такой чистой улыбкой, а весь вид его выражал состояние по-настоящему счастливого человека, состояние к которому стремится каждый и которое, увы, бывает так редко, что она только махнула рукой.

«А может он и прав», – подумала она.

И пока Джордж безмятежно спал, сном, которым, наверное, спят только младенцы, которые ещё только вступают в этот мир и не знают его пороков, тётя и её муж до утра о чём-то тихо беседовали.

Не спал и ещё один человек в этом уютном провинциальном городе.

В маленьком уютном домике, утопавшем в зелени деревьев, за столом сидела прелестная молодая девушка.

Мягкий свет падал из зелёного абажура на её задумавшееся лицо с чудесными распущенными волосами, ниспадавшими ей на плечи.

Перед ней стоял огромный букет роз, и лежали две записки от Джорджа.

Не спала и мать Джорджа.

Лёжа в мягком, комфортабельном купе, под стук вагонных колёс, она напряжённо обдумывала дальнейшую судьбу своего мальчика.

Не спал в эту ночь и седой благородный джентльмен, один из совладельцев солидной электротехнической компании.

Тяжело ворочаясь с боку на бок в своей роскошной постели, он напряженно обдумывал дела своей фирмы.

Они шли не блестяще. И свадьба Джорджа с Люсьен, отец которой обладал 5%-ым пакетом акций компании значительно могла бы улучшить его положение.

– Эх, Джордж, Джордж, – вздыхал он.

Надо ли говорить, что влюблённые всецело отдались своим чувствам.

Джордж каждый вечер ходил на концерты к Мари, и каждый вечер провожал её домой.

Иногда, вдыхая неповторимый аромат её девичьей кожи, глядя на нежные завитки волос Мари на красивой белой шее, на её плечи, Джордж чувствовал, как в нем пробуждается дикое, звериное желание.

Ему хотелось в это время разорвать платье на груди Мари и впиться губами в её губы, гладить своей сильной мужской рукой её упругие бедра.

Но, глядя в прекрасные глубокие глаза любимой, он ощущал, как дикий необузданный зверь превращался в робкого ягнёнка, и тогда на смену этому чувству приходило другое, не менее сильное – восторженное поклонение перед её красотой.

По правде сказать, Мари тоже испытывала к Джорджу подобные чувства, но неопределённость её положения и природная осторожность сдерживала её порывы.

Шло время, подходил к концу короткий отпуск Джорджа, уже по утрам было не так жарко, и утренняя роса на листьях уже обжигала своим холодом, а Джордж, фактически сжёгший за собою все мосты, всё никак не решался сделать Мари предложение.

Помог этому случай, который, как обычно, всего лишь спускает тугую пружину курка, взведённого предшествующими обстоятельствами.

Чтобы не ранить чуткого, отзывчивого сердца Мари, Джордж, предусмотрительно, спрятал дорогой паркер, часы стоимостью в 2000 долларов, словом, все вещи, которые могли подчеркнуть их различное имущественное положение.

Но как-то раз, он, делая сложные расчёты своего электродвигателя, засиделся до глубокой ночи, очень сильно устал и по привычке засунул паркер в нагрудный карман рубашки.

Проспал он почти до обеда. И наскоро умывшись, побежал на свидание с Мари.

От её внимательного взора не ускользнула такая дорогая вещь.

– Откуда это у тебя, Джордж? – Почти с испугом спросила Мари, – Где ты взял! Ты её украл?

– Что, дорогая, – спросил недоумевающий и встревоженный Джордж.

– Ведь она, наверное, стоит кучу денег! – и Мари указала на золотой паркер, предательски выглядывающий из кармана Джорджа.

Проклиная себя за свою забывчивость, Джордж понял, что всё нужно объяснить Мари.

– Видишь ли, дорогая, сказал он, досадуя на свою оплошность, – у меня есть не только золотой паркер, но и часы стоимостью 2000 долларов, и всякие другие дорогие безделушки.

Мари внимательно слушала его.

– Мой папа довольно богатый человек и иногда балует своего сына такими вот вещами.

О ягуаре, подаренном отцом в честь успешной защиты диплома, он предпочёл умолчать.

– Да-да, как-то отстранённо сказала Мари, – всё понимаю, милый.

Словно чёрная кошка пробежала между ними.

Всю дорогу Мари отчуждённо молчала, чувствовал себя неловко и Джордж.

Дома Мари дала волю слезам.

– Он любит, меня любит, – по-детски всхлипывала она в подушку, – но никогда, никогда на мне не женится.

Джордж тоже был в отчаянии, последней каплей масла подлитой в огонь его душевных страданий была коротенькая телеграмма: "Я всё знаю. Люси".

Как и в первый вечер знакомства с Мари он не мог заснуть.

Дул холодный сентябрьский ветер, торопливо и зло, срывая листья с деревьев, последние неубранные яблоки с глухим стуком падали на уже начинавшую замерзать землю.

Неспокойно было на душе у Джорджа:

– Ведь я люблю, её люблю, – размышлял он, лёжа в постели, – но как тяжело будет мне, ведь я лишусь поддержки отца.

И перед ним встало суровое, волевое лицо его отца. "Помни сынок всегда, что ты Джордж Тим, сын Петера Тима, – всегда говорил он ему, – и в твоих жилах течёт настоящая ирландская кровь. А ирландцы народ упорный".

– А раз ирландцы народ упорный, – словно споря с отцом, подумал, – он, почему он в честь любимой девушки, девушки без которой не может прожить и дня, не может отказаться от привычек своего круга.

Отпуск, в конце концов, можно проводить и не на Гавайях, а яичницу с беконом есть и не из дорогой посуды, лишь бы рядом была Мари.

И устыдившись минуты слабости, он подумал: «Завтра же пойдём к местному священнику и обвенчаемся».

Дул холодный сентябрьский ветер, а Джорджу было тепло и уютно.

На следующее утро, еле дождавшись, начала службы, Джордж побежал в церковь.

– Батюшка, – сказал он священнику, – я хочу исповедаться.

Священник, молча, указал ему на кабинку.

Пройдя в кабинку, Джордж увидел окно, задернутое ширмой.

– Что тебя гнетёт, сын мой? – Услышал он тихий, вкрадчивый голос.

– Да я даже сам толком не знаю, – задумчиво сказал Джордж, – Я помолвлен с одной, а обвенчаться хочу с другой.

Грех ли это, батюшка? – Спросил он.

– Смотри, с какой стороны посмотреть, сын мой, – уклончиво ответил священник, – богата ли твоя невеста? – после небольшой паузы спросил он.

– Да, и очень, – ответил Джордж.

– А вторая? – Спросил священник

– Кроме двух старых родителей и чудесного голоса у ней ничего нет, – ответил Джордж.

– Красива ли твоя невеста? – Спросил священник.

– Пожалуй, что да.

Что, правда, то, правда. Люсьен была в том прекрасном возрасте, когда природа щедро одаривает девушку своими прелестями.

В свои двадцать два она была больше похожа на женщину, чем Мари с её почти девичьими формами.

А когда она, не спеша, проходила по институтским коридорам, на её стройные длинные красивые ноги засматривались без исключения все мужчины, включая и седовласых профессоров.

– Любишь ли ты свою невесту? – Опять спросил он.

– Даже и не знаю, – вздохнув, ответил Джордж.

– А вторую? – Спросил священник.

– Да я без неё и дня прожить не смогу, – с жаром выдохнул Джордж

За занавеской долго молчали.

А затем священник тихо и задумчиво произнёс:

– Любовь, сын мой, – великая сила, именно она возносит человека из преисподни до небес.

Но прекрасный цветок любви, сын мой, нужно защищать и лелеять в своём сердце, иначе он может преждевременно засохнуть и завянуть от ненужных обид, от мелких подозрений.

Окно ширмы неожиданно приоткрылось, и Джордж увидел перед собой простое усталое лицо пожилого человека.

– Завтра приходите венчаться, – сказал он.

Уже на выходе из церкви его догнал вопрос священника:

– Как зовут её?

– Мария! – Крикнул Джордж.

Мария- ария – я, – гулко отдалось в церковных стенах и замерло где-то высоко, высоко под куполом.

Придя из церкви, Джордж тщательно выбрился, надел свой парадный костюм и отправился к Мари.

И хотя он старался идти спокойно, сердце у него учащенно билось.

– Интересно, а почему это так? – Удивился Джордж, – ведь когда он делал предложение Люси, вернее, его заставили сделать его мать и отец, он чувствовал себя совершенно спокойно.

Да, наверное, я ничего и не чувствовал, – поразился своему маленькому открытию Джордж, – вот поэтому и не волновался.

Вот и знакомый маленький уютный домик.

Чувствуя, как его сердце ещё чаще забилося, Джордж торопливо дёрнул дверной колокольчик заветной двери.

Открыла мать Мари.

– Мисс Хаггис больна, – сказала она и хотела закрыть за собой калитку.

В душе у Джорджа что-то ёкнуло:

– Но мне надо с ней поговорить, обязательно поговорить, – сказал он с такой болью в голосе, что удивлённая старушка, молча, пропустила его.

Взбежав на второй этаж, Джордж застал Мари сидящей за столом.

Прелестный румянец спал с её щёк, а лицо выглядело опухшим и нездоровым.

– Да она плакала, бедняжка, – поразился Джордж, – но ничего, сейчас я ей объявлю о своём решении, и она поймёт, как я её люблю.

– Мари, – торжественным, почти мрачным голосом, начал Джордж, – я люблю тебя и предлагаю соединить твою судьбу с моей. Завтра мы обвенчаемся у местного священника.

– Зачем тебе это, Джордж? – С грустной улыбкой сказала Мари, – зачем тебе портить карьеру ради какой-то певички.

– Но Мари, – горячо начал Джордж, – моя карьера без тебя ничто. А, работая даже рядовым инженером, даже без папиной поддержки, я заработаю вполне приличную сумму денег, вполне достаточную, чтобы прокормить нас обоих. Да, я происхожу из богатой семьи. Но поверь мне, что и рабочие и инженеры получают на фабрике отца вполне приличную зарплату, которой хватает не только на еду и одежду.

Почти у каждого есть машина. Мы поселимся с тобой в фабричном доме, это, конечно, не апартаменты моего отца, но жить в них можно прекрасно, к тому, же и квартплата там будет значительно меньше, чем на частной квартире.

А ещё на фабрике есть настоящий концертный зал, там ты сможешь петь свои арии, в нём даже выступали Beatles и Элтон Джон, – не без гордости сказал Джордж.

В глазах Мари зажглись огоньки.

– В клубном помещении фабрики очень много интересных кружков, – продолжал Джордж, – я и сам участвовал в одном, – признался он, – гонял с группой таких же молодых обормотов с шумом и треском на своём Харлей Дэвидсоне, но теперь по вечерам я буду только с тобой, моя дорогая.

Если ты захочешь заниматься спортом, то к твоим услугам великолепный спортивный зал, где ты в любое, удобное для себя время, можешь поиграть в теннис, волейбол, позаниматься художественной гимнастикой.

На фабрике отца почти не курят. И хотя мой батюшка и говорит, что, таким образом он заботится о здоровье рабочих, на самом деле он заботится о своём кошельке, – с иронией сказал Джордж.

– Некурящий живёт дольше, болеет реже, работает лучше, производительней. Так что, моя дорогая Мари, даже и без папиной поддержки мы можем жить весьма сносно, – с весёлой улыбкой сказал он. – А со временем и батюшка нас простит, уж тогда-то я и покатаю тебя на великолепном красном ягуаре.

– Кроме того, – с лукавой улыбкой закончил Джордж, – у тебя есть великолепный капитал – твой прекрасный голос. И кто знает, может, через два – три года, про меня будут говорить примерно так: «А это Джордж Тим, муж знаменитой оперной певицы Мари Тим».

Глубокие, прекрасные глаза Мари медленно наполнились слезами.

– Джордж, я очень, очень люблю музыку, мне, кажется, что и дня без нее не проживу.

Но знаешь, мне порой бывает так трудно, так трудно.

Мне, правда, помогают мои старенькие родители, они во мне души не чают.

Но, – помолчав, добавила она. – Они меня совсем, совсем не понимают.

И дав волю слезам, она разразилась громкими рыданиями.

– Ты же ведь не покинешь меня, Джордж, свою бедную, маленькую Мари. Не покинешь!

– Успокойся, дорогая, – тихо и проникновенно сказал он, – у тебя, несомненно, богатые вокальные данные и тебя ждёт прекрасное будущее. Но даже если моя маленькая Марго так и не станет оперной примадонной, я всё равно буду любить её до конца дней своих, до последнего вздоха.

Рыдания сотрясали её тело.

– Успокойся, успокойся, дорогая, – тихо говорил Джордж, бережно глядя её шею и плечи. – Я с тобой и постараюсь тебе быть надёжной опорой.

– Задерни, пожалуйста, поплотнее шторы Джордж, – просто сказала она.

И когда он послушно исполнил её просьбу, она уже лежала в постели, её густые шелковистые волосы разметались по подушке, а маленькие девичьи груди трогательно и беззащитно белели в полумраке комнаты.

– Поцелуй меня, Джордж, – сказала она.

И Джордж, медленно нагнувшись, и глядя в её, ставшие вдруг бездонными глаза, нежно и страстно поцеловал её в губы. «Боже, как она прекрасна», – подумал он.

И два тела слились в одно в порыве любви.

Надо ли говорить, что его отец, почтенный Петер Тим, один из совладельцев солидной электротехнической компании "Петер Тим и К", был не просто огорчён, он был разъярён, взбешён решением своего сына.

– Пойми, Джордж, – тщательно скрывая своё раздражение, – говорил он сыну, – Люсьен недурна собой, образованна и к тому же целомудренна.

– И к тому же её папа обладает 5-ю процентами акций компании "Петер Тим и К», – хотел сказать Джордж, но вовремя осёкся.

Ну, как ему объяснить этому седовласому, благородному джентльмену, по утрам пьющему кофе со сливками, почётному члену гольф клуба, что он женится не на пакете с акциями, а на живом человеке.

Да, Мари не имеет такого высшего образования как Люси, не так вышколена, как она...

– У тебя, что-то было с ней? – Спросил отец.

– Да, и я женюсь на ней, – твердо ответил Джордж.

– Мама сказала, что она хочет поступить в консерваторию и имеет большие вокальные данные, – продолжил отец Джорджа, – сколько стоит учёба в консерватории 20000 \$, 50000 \$, 100000 \$?

Возьми эти деньги и отвези сейчас ей.

Если ты не хочешь этого сделать, – торопливо сказал он, – заметив недовольство, блеснувшее в глазах Джорджа, – это сделают мои люди. Поверь мне, Джордж, я не обману.

Взгляды двух мужчин скрестились, как два меча.

– Не смей этого делать. Слышишь, не смей! – Вне себя от ярости прошептал Джордж, – если ты это сделаешь, ты мне не отец! Я люблю её и женюсь на ней, – неожиданно зло сказал он.

– Дурак! – Загрохотал Петер Тим, – ради какой-то девчонки, ради какой-то певички ты жертвуешь всем. Пойми, ты у меня единственный наследник и после моей смерти всё могло бы достаться тебе. А теперь. Ноги твоей не будет в моём доме, пока не одумаешься, – заключил он и громко хлопнул дверью.

Мать – тихая аккуратная женщина, правда, больше понимала Джорджа.

– Если любишь, сынок, люби, – говорила она, задумчиво, поливая цветы.

– Но ведь отец помогать тебе не будет, ты и сам знаешь, как он много ждёт от твоего брака с Люси. Я, конечно, в беде тебя не оставлю. Но что может сделать старая седая женщина.

– Мама, но я её люблю, – говорил Джордж.

– Всё понимаю, – сказала мать, – тяжело тебе придётся в этой жизни, сынок. Отец крут и так просто от своих целей не отступает. К тому же и его друзья не поймут твоего поступка.

– Сколько в этом мире условностей, – с отчаянием подумал Джордж.

Свадьба их с Мари прошла очень скромно. Были только самые близкие друзья, отца на ней не было, была только мать Джорджа.

После свадьбы молодые, как и говорил Джордж, поселились в фабричном доме, как не старалась, как не уговаривала его мать, Петер Тим был непреклонен, мало того, что он отобрал у Джорджа подаренный новенький ягуар, отобрал он и подаренный Джорджу Харлей Дэвидсон.

Хотел он даже закрыть работу и над проектом электродвигателя, который разрабатывал Джордж, но после долгой беседы с начальником отдела, он отказался от этой затеи.

– Поймите, мистер Тим, – убеждал его он, – этот электродвигатель таит в себе большие потенциальные возможности. Да, пока это только идея, только проект, над ним ещё надо работать и работать, но в его основу заложены принципиально новые технические решения, и если мы их воплотим в металле, то мы заставим наших конкурентов потесниться.

Скрипя сердце, Тим старший согласился с его доводами и даже был вынужден назначить Джорджа руководителем группы.

О прежнем, сытом и безмятежном образе жизни, Джорджу напоминали только дорогие часы.

Но Джордж не унывал.

Марго, его прелестная Марго, наполнила чудным, необычайным светом своих глаз их скромное жилище.

Правда, по вечерам она уходила петь, без музыки она не могла прожить и дня.

На работу Джордж ездил на ещё не старом форде, который матери после долгих уговоров всё-таки удалось добиться от отца, а после работы он заезжал за Мари, которая пела тут же в небольшом заводском хоре.

И они, весёлые и оживленные, ехали домой, делясь впечатлениями прошедшего дня.

Так и протекала жизнь молодых влюблённых.

Но если сказать, что она была уж совсем безоблачной, значит сказать неправду.

Работа над электродвигателем отнимала у Джорджа много сил и энергии.

Иногда, особенно после неудачных испытаний, когда проклятая железка не выходила на заданный режим, ему хотелось бросить всё к чертям собачьим и изорвать все эти груды бумаг и чертежей.

Тогда Мари, его прелестная Мари, долго и терпеливо уговаривала Джорджа, нежно гладила его по голове и ласково говорила ему, какой он хороший и умный.

Иногда Мари, которая всё-таки готовилась поступать в консерваторию, необычайному упорству которой Джордж, втайне дивился, просто ленилась и не хотела заниматься, хотя ей и помогал руководитель хора, поражённый её необычайными вокальными данными.

Тогда Джордж надевал её цветастый передник, на нос цеплял старые очки, выпрошенные специально для этого случая им у матери, брал нотную тетрадь и нарочито суровым голосом говорил: "Это кто у нас не хочет, есть кашку и заниматься?"

Мари обычно прыгала с дивана, звонко чмокала Джорджа в щеку, говоря при этом: "Ах, как я люблю тебя Джордж", – и глаза её светились счастьем.

После этой приятной процедуры молодые терпеливо разбирали вместе нотную грамоту. Иногда, правда, поцелуи затягивались, и их было не один и не два...

Но простим им, читатель, эти маленькие "прегрешения" молодости.

Как-то раз Джордж заехал за Мари довольно рано. Выглядел он весёлым и оживлённым.

– А ты знаешь, дорогая, – сказал он, улыбаясь, – мне кажется, что всё у нас получится. Сегодня, после некоторых технических доработок проклятая железка, наконец-то вышла на заданный режим и даже показала параметры, значительно большие, чем мы от неё ожидали.

Начальник бюро мистер Кук сказал, что за такие результаты он будет ходатайствовать перед начальником отдела, чтобы вся группа была награждена солидной премией, а мои маленькие технические доработки, – тут Джордж хитровато улыбнулся, – можно даже запатентовать.

Поэтому сегодня у нас праздник, и мы будем праздновать это знаменательное событие.

По дороге домой Джордж купил немного вина и фруктов.

Никого из друзей звать не стали, мать Джорджа сослалась на занятость.

И молодые остались одни.

Мари пела разные оперные арии, а Джордж сидел, наслаждался её необычайным чудным голосом и, молча, слушал.

– А ведь в том, что электродвигатель у нас пошёл, есть и твоя заслуга, Мари, – сказал Джордж, хмелея не столько от вина, сколько от прекрасных, глубоких глаз Мари.

– И в чем же моя заслуга? – полушутя-полусерьезно, – спросила она.

– Да в том, что без такой прекрасной жены, как ты, я бы никогда и не доработал его, – сказал он, легко поднял Мари на руки и закружил, закружил, закружил её по комнате.

За делами и хлопотами незаметно промелькнул сентябрь, промелькнули, пролетели последние тёплые дни уходящего бабьего лета с его неизменными серебряными паутинками в воздухе, и наступил холодный дождливый октябрь.

Однажды Джордж пришёл с работы поздно и необычайно усталый.

В этот день он даже не заехал за Мари.

Работа над электродвигателем вроде проходила успешно, он уже выходил на заданные параметры, но интуитивно Джордж чувствовал, что всё, чего от него ожидали, он дать не может.

– Но почему, почему? – ломал себе голову Джордж и не находил ответа.

Так ничего и, не придумав, он лёг спать.

А ночью его разбудила Мари:

– Милый, – сказала она, – блестя в темноте влажными глазами, полными любви, – я хотела тебе вечером сказать, но ты был таким усталым и таким озабоченным, что я побоялась тебя тревожить, а вот сейчас я проснулась и поняла, что не усну, если тебе не скажу. У нас будет ребёнок, милый, – сказала она и счастливо вздохнула.

– Чего-чего? – Буркнул спросонья Джордж.

– Ребёнок, милый, – нежно повторила Мари.

– Ребёнок? – Всё ещё отходя ото сна, спросил Джордж.

– Да, милый, – ответила Мари, – я сегодня была у врача, и он сказал, что у нас будет ребёнок.

– Ребёнок, повторил Джордж, – Ребенок! – закричал он. – Ребёнок! У нас будет ребёнок!

– Тише, милый, соседей разбудишь, – нежно и участливо прошептала Мари.

До утра Джордж с Мари уже не спали.

Забыв про сон, они обсуждали, кто будет мальчик или девочка, какую коляску ему купить или какие распашонки, как будут купать его словом, все, все те милые мелочи, связанные с этим торжественным событием.

На работу Джордж пришёл не выспавшимся, но оживлённым.

– Что ты сияешь, как медный пятак, Джордж? – спросил его один из сотрудников группы.

– Да у нас с Мари будет ребенок, – сказал он. И не в силах сдержать своей радости, широко и открыто улыбнулся.

И хотя он всячески пытался заставить себя работать и даже сел за экран осциллографа, все мысли, помимо его воли, сводились к беременности Мари и рождению ребёнка.

В конце концов, своим весёлым, приподнятым настроением, будущий молодой папаша заразил всё бюро, и все, бросив работу, наперебой стали ему советовать, как купать будущего малыша, как его заворачивать.

И даже обычно сухой и строгий начальник бюро мистер Кук как-то подобрел и размяк:

– Ни в коем случае нельзя кормить малыша искусственными смесями, – говорил он, – от этого будет мало пользы. Лучше пусть мамаша кормит его своим молоком. У моей Эльзы было

мало молока, но она кормила двух моих близнецов только грудью. И посмотрите, какие они стали! – С гордостью сказал он и показал фотографию двух рослых краснощёких мальчишек.

Так и проходили дни Джорджа и Марии в трудах и заботах, освящённые светом любви.

Она продолжала петь и ждала ребёнка. Джордж работал над проектом своего электродвигателя.

И в одночасье всё рухнуло.

Глава 2

Болезнь Мари. Джордж получает предложение.

Как-то после одного из концертов его Марго, его прелестная, непоседливая Марго, выглядела усталой.

В этот раз она ничего ему не говорила. Не делилась оживлёнными впечатлениями прошедшего вечера, а лишь тихо и задумчиво положила голову ему на плечо.

– Что с тобой, милая? – Участливо спросил Джордж.

– Не знаю, – тихо ответила она, – не знаю, любимый, давай лучше смотреть на звёзды.

Дома Джордж, без промедления вызвал врача. Он приехал через полчаса, долго осматривал задумчивую, погрузневшую Марго и, наконец, со вздохом произнёс:

«Острое воспаление лёгких, причём, крайне тяжёлая форма, кроме того, как я понял, ваша жена беременна. И болезнь грозит и ей и ребёнку. Советую вам без промедления отправить её в стационар, иначе возможны осложнения. Ну-ну, не отчаиваетесь, молодой человек, заметив побледневшее лицо Джорджа, – сказал он.

– Хорошее питание, свежие фрукты плюс лечение – и ваша прелестная жена уже недельки через две опять встанет на ноги.

Затем, выписав рецепт, он, попрощавшись, ушёл.

Быстро созвонившись с ближайшей больницей, Джордж узнал, что пребывание жены там, в течение двух недель обойдётся ему примерно в 30000 долларов.

«Ничего особого, – с отчаянием думал Джордж, в волнении шагая по комнате, – лечение в хорошем стационаре стоит кучу денег, а где их взять рядовому инженеру?»

В волнении он набрал телефон родителей.

– Мистер Тим слушает, – ровно и чётко произнёс его отец.

– Папа, Марго умирает! – в волнении закричал Джордж, – у неё острое воспаление лёгких. Умоляю тебя, ради всего святого, помоги!

В трубке, что-то звякнуло, и Джордж услышал тихий голос матери:

– Сынок, отец болен, у него на фирме неприятности. Я сейчас приеду.

Через двадцать минут она бледная и спокойная стояла на пороге жилища Джорджа, капли дождя стекали по её лицу или это были слезы?

Не раздеваясь, она прошла на кухню.

– Сынок, за тридцать лет жизни с твоим отцом я кое-что скопила, эти деньги мне сейчас не нужны, а тебе они пригодятся. Будет всё хорошо, ты отдашь их мне. Нет, мы всё же с отцом люди не бедные, – с этими словами она протянула Джорджу 10 000 долларов.

– Десять тысяч долларов, это прекрасно, мама! – с сияющими глазами сказал Джордж, – но врач сказал, что для лечения в стационаре необходимо 30 000 долларов.

– Сынок, мягко сказала мать, – я дала тебе всё, что имела. Отец мог бы дать значительно больше, но ты, же знаешь его отношение к тебе. Впрочем, я поговорю с ним, но обещать тебе пока ничего не буду. О фруктах и питании ты не беспокойся, я буду ездить к Мари каждый день. Бедная Мари, – с этими словами, она накинула на плечи шаль и, не попрощавшись, ушла.

«Тридцать тысяч долларов, тридцать тысяч долларов, – лихорадочно вертелось в голове Джорджа, – всего каких-то 30 000 долларов, и жизнь Марго спасена. Ну, тысячу долларов мне дадут за часы, всё-таки это настоящий Ролекс, а я похожу и со старыми. Три тысячи долларов можно выручить за свой, ещё не старый форд. А где взять ещё 16 000 долларов?»

– Алло, Майк, – закричал он в трубку телефона, набрав номер своего закадычного друга по университету, – выручай, старина. Моя старушка тут немного приболела, – с этими словами, он взглянул на Марго, тяжело дышащую во сне, и, подавив внезапный комок, подступивший к горлу, продолжал, – не мог бы ты одолжить мне на пару месяцев какие-то несчастные 16 000 баксов.

– С удовольствием, старина, – пророкотало на том конце трубки. Но как назло я собрался покупать новую машину, вот если бы ты позвонил мне недельки на две пораньше.

Джордж позвонил одному, второму, третьему, но, как обычно бывает в таких случаях, ни у кого не было денег. Один покупал машину, другой затевал ремонт дома, третий сам залез в долги.....

– Ну, ничего, – подумал Джордж, – 14000 долларов у меня уже есть, надо раздобыть ещё 16000 и постараться устроить Марго в больницу.

Весь следующий день прошёл у него в напряжённых хлопотах.

Обегав всех перекупщиков, Джордж продал свои дорогие часы и машину, после отчаянных переговоров с администрацией больницы ему всё же удалось определить Мари на неделю.

Домой он вернулся поздним вечером и усталый, даже не поужинав, свалился в кровать.

Весь следующий день прошёл в напряжённых поисках денег.

Весь второй тоже.

Весь третий тоже.

Так прошло пять дней, заканчивался шестой.

За окном сеял мелкий холодный дождь.

Догорал хмурый осенний день.

Догорала сигарета в руках у Джорджа.

Через два дня он должен будет внести остальные 16 000 долларов за лечение Мари, иначе её просто-напросто вышвырнут из больницы. И он не в силах ничем был ей помочь.

«Ну и что, что она из бедной семьи, – с ожесточением думал Джордж, шагая по комнате, – ну и что, что она не отвечает представлениям отца, о том какой должна быть жена сына сэра Петера Тима – почтенного седовласого главы семейства, одного из совладельцев солидной электротехнической компании "Петер Тим и К".

Джордж был в отчаянии.

Все надежды на скорое излечение Мари рушились.

Внезапно к нему пришла та жестокость, которая обычно приходила к нему на ринге и помогала ему побеждать.

Его глаза стали жесткими и сухими.

«Я пойду на любые испытания, лишь бы помочь тебе, Марго, – прошептал он, – и я добьюсь этого, не будь я Джордж Тим».

Холодную, вечернюю тишину сумерек разорвал резкий звонок телефона.

– Алло, Джордж! – Зарокотало в трубке, – Это Майк. Слушай, старина, деньгами я не могу сейчас тебе помочь, но тут есть один авантюрный проект, и если ты не побоишься риска, ты можешь заработать кучу денег.

– Я ничего не боюсь, Майк, – с сухими глазами ответил Джордж.

– Тогда слушай, Джордж, – сказал Майк, – я знаю тут одного сумасшедшего миллионера, он просто помешан на археологии, каждое лето он выезжает в экспедиции и тратит бешеные деньги на поиски какой-нибудь древней кости или осколка какого-нибудь древнего камня. Я рассказал ему о твоей беде, и он готов с тобой поговорить. Записывай адрес Джордж. Но прежде чем подъехать к нему, ты позвони, скажи, что ты от меня. Ну, прощай старина.

Трубка гулко шлёпнулась на место, послышались короткие гудки.

– Мистер Чарльз Смит, – прочёл написанное Джордж и набрал номер телефона.

– Слушаю, – откликнулись на том конце телефона.

– Мистер Чарльз Смит, – прерывающимся от волнения голосом начал говорить Джордж, – Я от Майка Розовского.

– Я понял, – сказали на том конце трубки. – Вы готовы подождать?

– Не больше трёх часов, – ответил Джордж.

– Хорошо. Тогда давайте адрес, через два часа за вами заедет машина.

Ровно через два часа в опустевшей квартире Джорджа прозвенел звонок.

– Мистер Джордж, – сказал аккуратный посыльный, – я от мистера Чарльза Смита, машина ждёт Вас.

Наскоро одевшись, Джордж вышел.

Мелкий нудный осенний дождь всё так же продолжал моросить, все небо было какого-то неопределённо серого цвета, серыми и однотонными были дома, прохожие, деревья.

Перед подъездом Джорджа стоял огромный бронированный Кадиллак с затемнёнными стёклами.

Машина мягко тронулась с места и после продолжительной езды подъехала к огромному замку, выложенному из темно красного гранита. Казалось, он плыл в этом сером дождливом тумане.

– Эге, – присвистнул Джордж, – да у этого господина денег действительно куры не клюют».

– Мистер Джордж Тим? – сказал невысокий плотно сбитый господин. – Я Чарльз Смит.

Я предлагаю, Вам сделку, – сразу и резко сказал он, – Вы совершаете путешествие во времени, да-да, не смотрите на меня так и приносите мне одну вещь, и я плачу вам миллион долларов.

Должен сразу Вам сказать, что путешествие это опасное, риск очень большой, – после небольшой паузы сказал он, – так что подумайте.

– Я готов, – тихо сказал Джордж, – вспомнив надрывный кашель Марго.

– Тогда Вас сейчас проводят к мистеру Тому Хьюзу, – сказал он, – поговорите с ним и если Вы не передумаете, то мы ещё раз побеседуем с Вами.

В сопровождении охраны Джордж прошёл в невысокую эллипсовидную пристройку, расположенную рядом с замком.

И хотя повсюду шёл дождь, над крышей этого странного здания Джордж не заметил и капли.

На минуту порывистый ветер разогнал тяжёлые, набухшие водой тучи, и в последних неприветливых лучах холодного осеннего солнца, она неестественно, ослепительно заблестела.

Около пристройки находилась ещё одно кольцо охраны.

– Мы к Тому Хьюзу, – сказал сопровождающий двум крепким парням, стоящим у входа в здание.

Тяжёлая бронированная дверь открылась, и Джордж оказался внутри помещения. После всего им услышанного Джордж ожидал увидеть всё, что угодно, но ничего удивительного он не увидел.

В небольшой гостиной, в мягком, кожаном кресле, за небольшим столиком, в старом, поношенном свитере сидел рыхлый, обрюзгший человек.

Давно не мытые волосы жирными клоками свешивались на его широкий лоб.

Рядом с ним на столике стояла початая бутылка виски.

– К вам посетитель мистер Хьюз сказал охранник и удалился.

Тот ничего не ответил и, молча, показал Джорджу на кресло.

– Выпьешь! – После продолжительного молчания прохрипел он.

И рука его потянулась к бутылке с виски.

– Спасибо, я по делу, – ответил Джордж.

– Ну, по делу так по делу сказал Хьюз и налил себе полный стакан.

– Итак, вас прислал ко мне мистер Чарльз, – сказал он, поморщившись, и отхлебнул немного виски.

А интересно узнать, зачем он вас прислал?

За последние два года меня никто не посещал кроме вот этой старой леди, – сказал он, указывая на бутылку с виски.

– Уж не сумасшедший ли он, – подумал Джордж.

– Я не сумасшедший, словно прочёл его мысли, – ответил Хьюз.

Нет, я не сумасшедший после долгого молчания прохрипел он.

Я – непризнанный гений.

Есть гении признанные Достоевский, Эйнштейн, Дарвин, а я Том Хьюз, я изобретатель машины времени, изобретатель открытия, которое осчастливит всё человечество, сию же секунду в этой вонючей дыре и... тут голос его сорвался глаза на мгновение вспыхнули и тут же погасли.

– С кем имею честь говорить? – Пробрюзжал он.

– Джордж Тим – инженер электротехник, – ответил Джордж.

– Вас, наверное, интересует принцип работы моей машины? – Спросил Хьюз.

– Чёрта с два он меня интересует, – подумал Джордж, да и ты тоже. Если бы не болезнь Мари ноги бы моей не было в этом странном заведении.

Неплохо было бы узнать, – с непринуждённой улыбкой сказал он.

Глаза Хьюза оживились.

– Видите ли, молодой человек, – начал он, – суть моего открытия банальна и проста, впрочем, как и всё гениальное, – добавил он и хрипло, неприятно рассмеялся, – до двадцатого столетия люди считали, что пространство и время не связано между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.